

МОРЗЯНКА

На окраине Сталинграда

Стоял январь 1943 года. Кругом был снег. В Сталинграде шли ожесточенные уличные бои. Наши бойцы и народные ополченцы упорно отстаивали каждый дом, каждую улицу, каждую пядь земли Сталинграда. Наше зенитное подразделение заняло огневую позицию на окраине города у завода "Красный Октябрь".

НЕМЕЦКИЕ ИЗВЕРГИ ПРЕВРАТИЛИ ГОРОД В ГРУДЫ РАЗВАЛИН. Кругом лежали трупы немецких солдат и офицеров, а на первых этажах разрушенных от бомбежки домов трупы валялись кучами. Среди них были раненые фрицы, которые просили, чтобы их пристрелили... На улицах лежали также трупы жителей города и наших бойцов.

Солдаты из наших и соседних подразделений убирали трупы и наводили порядок. Пушки окопали, отрыли ниши и траншеи и заняли уже готовые блиндажи: немцы заставили местных жителей сделать для них глубокие и прочные блиндажи, сверху накрыли шпалами в два слоя и засыпали землей. Изнутри землянки были обвешаны награбленными у населения коврами, а в середине блиндажей стояли печи. Как видно, немцы хотели холодные зимние месяцы перезимовать в Сталинграде, получить подкрепление и с потеплением пойти в наступление. Но их мечта не сбылась, и теперь в землянках поселились советские воины.

Взвод, которым командовал я, состоял из трех разведчиков, трех радистов, трех телефонистов и меня - командира взвода, всего 10 человек. Мы все лежали рядом на общих земляных нарах. Близилась ночь. Настроили радиостанцию, установили телефонную связь, поговорили о событиях минувшего дня и погибших товарищах. Один из моих разведчиков, Литовченко, был на посту, дежурил на огневой позиции. Через 2 часа его должен был сменить другой разведчик. В блиндаже дежурил радист, младший сержант Саша Сычов. Было около часа ночи. Многие уже спали, а я не мог заснуть - от впечатлений минувшего дня на душе было тревожно... Я вспомнил, как во дворе полуразрушенной избы качалась на дереве 18-летняя девушка с вырезанными грудями и окровавленными веками, а у выхода из избы был истерзан и зарублен топором ее дед... В избе также был зарубленный топором немецкий обер-лейтенант. Я лежал и думал, как такое могло случиться, какие мучения

перенесли наши мирные жители от фашистских извергов...

БЫЛО УЖЕ ОКОЛО ЧАСА НОЧИ, когда до меня стало доноситься постукивание морзянки. Я разбудил лежавшего рядом москвича Анатолия Исаева. Он взял с собой немецкий трофейный автомат, а у меня в кобуре был трофейный немецкий парабеллум. Мы выбрались из блиндажа наружу. Кругом все было покрыто снегом. Мы шли на стук "морзе", останавливались, потом опять шли. Под ногами хрустел примерзший снег. Мы уже хотели перейти на противоположный тротуар ули-



цы, как звуки прекратились, и мы остановились. Как видно, "они" услышали наши шаги и временно замолчали.

У противоположного тротуара мы увидели круглую чугунную крышку канализационной ямы и заметили, что снег с крышки стряхнут. У этой крышки мы, притаившись, ждали почти 10 минут. Вдруг снова услышали морзянку совсем близко. Мы решились... Я стал приподнимать холодную чугунную крышку. Мимо моих ушей пронеслась автоматная очередь. Мой боец не растерялся и из своего автомата дал ответную очередь в яму. Мы услышали громкий стон. Отбросив крышку, увидели, что в яме были двое: убитый офицер и немецкий солдат (его звали Фриц). Подняв руки, он сдался. Немецкий пленный был доставлен в штаб полка.

Разведчик Анатолий Михайлович Исаев за смелость и отвагу был мной и командованием представлен к награде и награжден медалью "За отвагу".

О.А. БАНДУРЯН,
капитан запаса